

lously engraved two-line hieroglyphic inscription: $\text{h}3\text{tj}^{\text{c}} \text{hm Hr jt-ntr jmj-r}^{\text{c}} \text{njwt } 2$
 $\text{wr t}3\text{t(j) Mn-tj-htp}$ «Prince, priest of Hor, divine father, priest, head of the city, the
 great, the vizier Mont(u)hotp»

The form of the scarab, with its schematically rendered legs, is characteristic of the Saite period. The vizier's costume, the archaizing iconography of the figure, the carefully polished surface of the stone all argue for a date in the Saite period.

Scarab I, Ia, 2398 belonged to an otherwise unknown vizier of the XXVI dynasty

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ В ТРАДИЦИИ О КОРИНФСКОМ ТИРАНЕ КИПСЕЛЕ

До нас не дошло ни одного источника, современного периоду коринфской тирании. Геродот — первый автор, из сочинения которого мы узнаем о правлении тиранов Кипсела и Периадра. Затем сведения о них, частично повторяющие данные Геродота, можно найти у Аристотеля (Pol. III, 8, 3, 1284a; V, 8, 8, 1311a; V, 9, 4, 1313a), Николая Дамасского (FGH, II, стр. 356 сл., fr. 57), Плутарха (Sept. sap. conv.), Павсания (I, 23; II, 28; V, 17—18; X, 24) и др.

История установления тирании в Коринфе, так же как и история правления Кипсела и Периадра, во многом неясна. Ученые до сих пор не пришли к единому мнению даже о датировке коринфской тирании. Одни считают, согласно свидетельству Днодора (VII, fr. 9), что правление Кипсела началось в 657 г. до н. э. и что тирания в Коринфе длилась до 584/3 г. до н. э., если принять во внимание свидетельство Аристотеля (Pol. V, 9, 21, 1315b) о существовании тирании в Коринфе в течение 73-х с полугодиной лет¹. Однако, начиная с К. Белоха, ряд ученых считает эту традиционную датировку слишком ранней и передвигает даты правления коринфских тиранов на полвека позднее². Наиболее подробно в последнее время рассмотрел этот вопрос Э. Вилль; он привел новые доказательства в пользу мнения, выдвинутого Белохом, полагая, что тирания в Коринфе началась около 620 г. до н. э. и была уничтожена в 550 г. или несколько раньше³.

Еще большие трудности стоят на пути исследователя, если он имеет намерение написать систематическую историю правления коринфских тиранов. Трудность эта объясняется не столько малым количеством свидетельств античных авторов, сколько характером приводимых ими сведений. В большей своей части, как мы попытаемся показать, сведения эти почерпнуты или опираются на устные рассказы-новеллы. Эти новеллы, где причудливо переплетаются историческая правда с вымыслом, где с именем исторического лица нередко связываются распространенные фольклорные рассказы, заслуживают пристального внимания не только историка, но не в меньшей степени и филолога.

¹ Такой хронологии из современных ученых придерживаются, например, Юр (P. U r e, The Origin of Tyranny, N. Y., 1962, стр. 187) и Бенгтсон (H. B e n g t s o n, Griechische Geschichte von den Anfängen bis die Römische Kaiserzeit, Münch., 1950, стр. 103).

² Сторонники этой датировки Белох (K. J. B e l o c h, Griechische Geschichte, I, 2, В. — Лpz, 1924, стр. 274—284), Порцио (G. P o r z i o, I. Cipselidi, Bologna, 1912, стр. 126 сл.), Леншай (L e n s c h a u, s. v. Korinthus, RE, Supplbd. IV, 1924, стб. 1016 сл.), Шахермейр (F. S c h a c h e r m e y r, s. v. Periandros, RE, XIX, 1937, стб. 704), В. В. Струве («Хронология VI в. до н. э. в труде Геродота», ВДИ, 1952, № 2, стр. 60—78).

³ Э. Вилль, Korinthische, P., 1955, стр. 364—440. К концу VII. до н. э. относит начало тирании Кипсела Катауделла (M. R. C a t a u d e l l a, Erodoto e la cronologia dei Cipselidi, «Maia», XVI, 1964, стр. 204—225), судя по аннотации в «Библиографии» Марузо (J. M a r o u s e a u, L'année philologique. Bibliographie de l'antiquité classique, P., 1966).

Первым тираном в Коринфе был Кипсел. С его именем связана новелла, которую приводят в своих трудах Геродот (V, 92, 2—5), Николай Дамасский (FGH, II A, fr. 57), Плутарх (Sept. sap. conv. 21—Moral. 163), Павсаний (V, 17; X, 24). В наиболее полном виде эта новелла передана Геродотом.

В первой половине VII в. до н. э. власть в Коринфе принадлежала знатному роду Бакхиадов. Эту власть Геродот называет олигархией. У одного из олигархов, Амфиона, была дочь Лабда. Так как девушка была хромая, никто из Бакхиадов, имевших обыкновение заключать браки только внутри своего рода, не хотел брать ее в жены. Поэтому она вышла замуж за Этиона, не принадлежавшего к роду Бакхиадов. От этого брака родился сын Кипсел. Бакхиады, узнав об оракуле, предсказавшем, что Кипсел лишит их власти, послали десять своих приближенных убить новорожденного. Но когда ребенок, увидев их, улыбнулся, посланцы Бакхиадов, поддавшись чувству жалости, не решились на преступление. Вскоре, однако, они все-таки возвратились с твердым намерением убить ребенка. Тогда Лабда, заподозрив недоброе, спрятала сына в какой-то сосуд — *κυψέλη* (этим словом объясняется происхождение имени тирана). Убийцы не нашли ребенка, но сообщили Бакхиадам, что их поручение выполнено.

Далее Геродот кратко пишет, что Кипсел, став юношей, получил ободряющий оракул в Дельфах и захватил власть в Коринфе. Тридцать лет он оставался тираном и управлял жестоко: многих граждан сослал, других казнил или лишил имущества. Несмотря на это, он окончил жизнь благополучно.

Античные авторы отмечают, что Кипсел был близок к святилищу в Олимпии. Он посвятил туда колоссальное изображение Зевса из кованого золота (Strabo, VIII, с. 353). Кроме того, он основал сокровищницу в Дельфах⁴. Насколько известно, это — первое сооружение такого рода; затем и другие города стали строить свои сокровищницы в Дельфах. Пока Кипсел был тираном и делал богатые приношения⁵, дельфийский оракул был настроен к нему благожелательно⁶.

Ученые рассматривают прорицание, после которого Кипсел решился на захват власти, как приветствие оракула, когда тиран посетил Дельфы⁷. Текст оракула сообщен Геродотом, но историк толкует его как предсказание счастливого правления Кипсела и его сына.

Ὁλβιος οὗτος ἀνὴρ ὃς ἐμὸν δῶμον ἐσκαταβαίνει,
Κύψελος Ἡετίδης, βασιλεὺς κλειτοῖο Κορίνθου,
Αὐτὸς καὶ παῖδες, παῖδων γέ μὲν οὐκέτι παῖδες

«Счастлив тот человек, который входит в мой дом, — Кипсел, сын Этиона, царь славного Коринфа, (счастлив) он сам и его дети, но не дети его детей» (Herod., V, 92, 5).

Есть предположение, что, называя Кипсела царем (βασιλεὺς), оракул признал за ним титул, который носили последние представители из рода Бакхиадов, прежних правителей Коринфа⁸. Позднее, когда полагали, что дельфийский Аполлон не мог одобрять тиранию, этот оракул — приветствие Кипсела — был истолкован как предсказание выполнения его замыслов о захвате высшей власти в Коринфе⁹. В таком понимании оракул вошел в ткань труда Геродота. С небольшими вариантами этот ора-

⁴ Herod., I, 14; Plut., Conv. sept. 21.

⁵ Один из даров Кипселидов сохранился до наших дней. Это золотая чаша, которая хранится в Бостонском музее. См. H. P a u n e, *Necrocorinthia*, Oxf., 1931, стр. 211.

⁶ После падения Кипселидов отношение Дельф к памяти тирана резко изменилось; было разрешено стереть имя Кипсела со стен сокровищницы, после чего стали считать, что она построена от имени всего народа Коринфа (Herod., I, 14).

⁷ H. W. P a r k e, *Notes to Some Delphic Oracles*, «Hermathena», LII, 1938, стр. 56—78; A. A n d r e w e s, *The Greek Tyrants*, L., 1958, стр. 47.

⁸ Такого мнения придерживаются Эндрюз (A n d r e w e s, ук. соч., стр. 48) и Хаммонд (N. H a m m o n d, *A History of Greece to 322 B. C.*, Oxf., 1959, стр. 146).

⁹ P a r k e, ук. соч., стр. 66.

кул приводят поздние греческие авторы — Дион Хризостом (XXXII, 5) и Евсевий (Praepar. evang. V, 35)¹⁰.

Оракул, данный отцу Кипсела, ученые рассматривают как *vaticinium post eventum*, предполагая возможность подделки такого оракула доброжелателем Кипсела еще при его жизни¹¹. Оракул предсказывает славное будущее ребенку, которого родит Лабда, и говорит, что он расправится с правителями Коринфа.

Ἡετίων, οὗτις σε τίει πολύτιμον ἔοντα.
Λάβδα κύει, τέξει δ' ὀλοοίτροχον· ἐν δὲ πεσεῖται
Ἀνδράσι μουνάρχοισι, δικαίῳσι δὲ Κόρινθον

«Этион, никто не чтит тебя, заслуживающего большого почтения. Лабда беременна, она родит глыбу, которая обрушится на единовластных владык и установит справедливость в Коринфе» (V, 92, 2). Глагол *δικαίῳσι* большинство комментаторов переводит как «покарает», но в последнее время ученые предлагают другой перевод: «устанавливает справедливость». Такое понимание больше подходит к духу оракула, составленного дельфийскими доброжелателями Кипсела¹².

Приведя этот оракул, Геродот тут же сообщает еще один оракул, смысл которого не был понятен Бакхиадам до тех пор, пока им не стал известен оракул, данный Ээтиону.

Αἰετός ἐν πέτρῃσι κύει τέξει δὲ λέοντα
Καρτερὸν ὠμηστήν· πολλῶν δ' ὑπὸ γούνατα λύσει
Ταῦτά νυν εὖ φράξεσθε, Κόρινθοι, οἱ περὶ καλὴν
Πειρήνην οἰκεῖτε καὶ ὀφρυόεντα Κόρινθον

«Орел в скалах беременен, он родит льва, сильного и кровожадного. Он сокрушит колена многих. Хорошо подумайте об этом, коринфяне, живущие около прекрасного источника Пирены в высоко расположенном Коринфе» (V, 92, 2)¹³.

Сопоставив эти два оракула, Бакхиады, согласно рассказу Геродота, поняли, какая опасность грозит им от сына Ээтиона; поэтому, как только родился Кипсел, они послали своих приближенных убить ребенка.

Рассмотренные выше оракулы были, по всей вероятности, широко известны во времена коринфской тирании. Их содержание уже дает материал для рождения легенды о тиране.

Во многих греческих фольклорных рассказах фигурируют предсказания дельфийского оракула (например в широко распространенных мифах об Эдипе и Персее, которые мы рассмотрим ниже). Туманный характер многих предсказаний дельфийского оракула сближает их, по мнению А. И. Доватура, с загадками — одним из излюбленных жанров фольклора. Подобно тому как загадки в фольклоре нередко бывают включены в другие жанры устного народного творчества, так и дельфийские предсказания входят в ткань греческих новелл¹⁴. А. И. Доватур отмечает три основных момента композиции такого рода рассказов:

1. Пифия дает предсказание.

2. Получивший предсказание либо не понимает его, либо, поняв предсказание и опасаясь его осуществления, принимает все меры, чтобы помешать ему исполниться.

3. Предсказание сбывается.

¹⁰ После падения пергамских царей Атталлидов по образцу этого оракула был составлен оракул, будто бы полученный Атталом I от Пифии. См. P a r k e, ук. соч., стр. 63.

¹¹ A n d r e w e s, ук. соч., стр. 47; Will, ук. соч., стр. 451; W. d e n B o e r, The Delphic Oracle Concerning Cypselos, «Mnemosyne», X, 1957, № 4, стр. 339.

¹² D e n B o e r, ук. соч., стр. 339.

¹³ Пласс полагает, что это туманное и хитроумное предсказание дельфийского оракула может свидетельствовать о беспокойном положении в государстве при Бакхиадах (H. G. P l a s s, Die Tyrannis, Bremen, 1852, стр. 148).

¹⁴ А. И. Доватур, Повествовательный и научный стиль Геродота, Л., 1957, стр. 176. По мнению А. И. Доватура, возможно, существовал определенный *τύπος* дельфийских преданий, в которых пророчица давала ответ раньше, чем к ней обращались с вопросом. В ряду примеров, подтверждающих эту мысль на материале «Истории» Геродота, А. И. Доватур приводит и ответ пифии Ээтиону, данный еще до того, как он успел задать вопрос.

Все три момента мы находим в традиции о Кипселе, но лишь один Геродот сообщил о двух оракулах, настороживших Бакхиадов. Таким образом, в передаче Геродота выступают оба варианта второго момента композиции рассказа: Бакхиады не поняли смысла первого оракула, а затем, узнав об оракуле, полученном Этноном, они стремились помешать его исполнению. Однако центр тяжести несомненно лежит на втором оракуле, где ясно сказано, что сын Этнона свергнет правителей Коринфа. Недаром остальные авторы либо цитируют, как мы уже указывали, именно этот оракул, либо упоминают о его содержании. По нашему мнению, оракул с предсказанием славного будущего еще не родившемуся ребенку дал толчок для формирования легенды и в известной мере предопределил ее содержание. В устной традиции коринфян этот оракул, вероятно, стал ассоциироваться с известным в мировом фольклоре мотивом о предсказании величия еще не родившемуся ребенку¹⁵. Такой мотив встречается, например, в широко известных греческих мифах о Персее и Эдипе. Царь Аргоса Акрисий получил предсказание о том, что его убьет внук, родившийся от его дочери Данаи. Напрасно запирает Акрисий Данаю в подземелье, чтобы к ней никто не мог проникнуть и она не могла бы иметь детей. Зевс в виде золотого дождя посещает Данаю, и у нее рождается сын Персей. Напрасно Акрисий бросает в море дочь с сыном, поместив их в ящик. Рыбак Диктис у берегов острова Серифа вылавливает ящик и освобождает Данаю с сыном. Персей становится чудесным героем, и напрасно Акрисий, узнав о его приближении, покинул родной Аргос. На играх в Ларисе Персей случайно попал диском в деда, и тот упал мертвым. Так исполнилось данное божеством предсказание.

То же самое в мифе об Эдипе. Напрасно, боясь грозного предсказания, Лай велит пастуху убить новорожденного сына. Мальчик был спасен, и предсказание божества исполнилось: Эдип убил отца и занял его царский трон.

Отметим сходные черты в легенде о спасении Кипсела и в этих двух мифах. Во-первых, действие начинается с божественного пророчества, во-вторых, как обоим будущим героям Персею и Эдипу, так и ребенку Кипселу грозит гибель в первые же дни их жизни, но этой гибели им удастся избежать. Подобно тому как Персей и Эдип становятся царями, Кипсел получает высшую власть в Коринфе, которую и удерживает в течение тридцати лет; по словам Геродота, он оканчивает жизнь вполне благополучно (*ἰρξάντος δὲ τοῦτου ἐπὶ τριήκοντα ἔτεα καὶ διαπλέξαντος τὸν βίον εὖ*... — V, 92, 6). Обращает на себя внимание, что и Лаю, и Акрисию грозила гибель от их прямого потомства, но нельзя забывать, что и Кипсел по матери происходил из рода Бакхиадов.

Примечательны еще две черты этих мифов. родственных легенде о Кипселе. Во-первых, спасение героя в ларце; подобно тому как маленький Персей находит спасение в ларце¹⁶ (*εἰς λάρνακα* — Apollod., Bibl. II, 4), так и ребенка Кипсела мать спасла в сосуде (кипселе), который затем стали отождествлять с ларцом. Недаром Кипселиды, заинтересованные в распространении легенды о чудесном спасении основателя тирании, пожертвовали в Олимпию роскошный ларец (Paus., V, 17 сл.).

Во-вторых, значение имени героя, связанное с обстоятельствами его спасения. Имя тирана объясняется в новелле как связанное с обстоятельством его спасения в кипселе. Эдип («с проколотыми ногами») был назван так воспитавшей его коринфской царицей потому, что ребенка нашли с проколотыми ногами (Apollod., Bibl. II, 4). Подобным образом получил имя и мифический царь Телеф («вскормленный ланью»), так как пастухи, нашедшие ребенка, увидели рядом кормившую его лань (Apollod., Bibl. III, 9).

¹⁵ S. Thompson, Motif-index of Folk-literature, Bloomington, 1955, M-311, 5.

¹⁶ Этот *λάρναξ* греки представляли в виде расписного ящика, о чем свидетельствует изображение на вазе V в. до н. э., хранящейся в Эрмитаже (инв. Б. 1602): Акрисий сажает в ящик Данаю с Персеем на руках. Можно указать еще один греческий миф, где ребенок спасается от гибели в ларце. Страбон (XIII, 1, 69), со ссылкой на Еврипида, так рассказывает о детстве мифического царя Телефа: Алей, разгневавшись на дочь Авгу, которая тайно родила сына Телефа, бросил ее вместе с ребенком в море в ящике, но ящик прибило в устье реки Канк, и там Тевтрант спас Авгу и ее сына.

Отвлекаясь от новеллы, попробуем установить, почему первый коринфский тиран был назван Кипселом. Ученые давно пытались определить, что в точности означает слово *κῑψέλης*. Подробная сводка значений этого слова дана в работе П. Юра ¹⁷:

- Юр указывает, что значение шестое и седьмое развилось, как отмечали уже в древности (Pollux, II, 86), из значения четвертого, отсюда же развилось и значение пятое. Значения первое — четвертое дают представления о каком-то большом сосуде. В схолиях к Аристофану (Рах, 631) и Лукпану (Lex. I) говорится, что кипселы бывали либо глиняные, либо плетеные. П. Юр полагает, что древние кипселы были глиняные и что тиран в молодости был как-то связан с гончарным производством, которое, как известно, в то время стояло в Коринфе на большой высоте; таким образом, имя Кипсел связано с его профессией или с эмблемой гончарной мастерской, которой он владел. Такой эмблемой, по мнению Юра, могла быть кипсела¹⁹. Это свидетельствует, что тиран происходил из демократических кругов.

Если принять предположение Юра, то получается, что Кипсел — прозвище тирана, а не имя собственное. Однако имя Кипсел, хотя и очень редкое (в известном словаре собственных имен В. Папе оно зарегистрировано всего пять раз ²⁰), принадлежало древнему царю Аркадии, жившему задолго до Кипсела ²¹. Кроме того, если согласиться с дешифровкой Вентриса и Чадвика, это имя встречается на табличках из Писидии с дешифровкой о его древнем происхождении. Еще в прошлом веке Шублоса ²², что свидетельствует о его древнем происхождении. Еще в прошлом веке Шублоса ²², что свидетельствует о его древнем происхождении. Еще в прошлом веке Шублоса ²², что свидетельствует о его древнем происхождении. Еще в прошлом веке Шублоса ²², что свидетельствует о его древнем происхождении.

[illegible]

18 Добавим еще, что кипсела, изображенная
кни, представляет собой цилиндрический сосуд.

19 U r e , ук. соч., стр. 200—208.
20 W. P a p e , Wörterbuch der griechischen Eigennamen, Braunschweig, 1875, s. v. IV 3. VIII. 5. 29; P o l y a e n , I, 7.

1875, s. v. IV, 3; VIII, 5, 29; Polyæn., I, 7.

²² M. Ventris, J. Chadwick, Evidence for Greek Dialect in the Mycenaean

Archives, JHS, LXXIII, 1953, стр. 54.
²³ J. Schubring, De Cypselo Corinthiorum tyranno, Diss. Gottingae, 1862.

Даже происхождение двух географических названий — город Кипсела на р. Гебре во Фракии и крепость Кипселы в Аркадии — Шубринг связывает с именами представителей древнего рода лапифов (стр. 17).

Э. Вилль считает, что главное возражение против теории Юра о происхождении Кипсела из демократических кругов заключается в том, что в античности никогда не подвергалась сомнению принадлежность Кипсела к семейству аристократов Бакхиадов. Аристократическое происхождение Кипсела нельзя считать выдумкой, так как ее было бы невыгодно поддерживать ни традиции, враждебной олигархам, ни традиции, враждебной тирану. Вилль склоняется к мысли, что соответственное имя «Кипсел» предшествует нарицательному «кипсел»²⁴.

Итак, Кипсел — это не произвище, а имя, причем его употребление зафиксировано задолго до времени жизни коринфского тирана. Сын Лабды и Этиона был наречен этим редко встречающимся именем, а впоследствии, когда он стал знаменитым человеком и о нем рождались рассказы, где правда перемежалась с вымыслом, имя его связали с известными мифическими рассказами о ребенке, которому было предсказано погубить правителя страны; тот стремился его уничтожить, но герой остался жив, и предсказание исполнилось. Герой подобных легенд часто находил спасение в каком-нибудь вместилище — ящике, ларце, корзине, и поэтому имя тирана было истолковано как напоминание об его чудесном спасении в кипселе — каком-то сосуде для вина, пшеницы или ячменя. При этом надо помнить о склонности греков видеть в имени героя смысл, связанный с обстоятельствами его жизни. Эта склонность проявляется не только в фольклорных сказаниях (Эдип, Телеф), но и в ученой литературе (ср., например, диалог Платона «Кратил»). Нас не интересует в данном случае, насколько понимание греками этих имен отвечает их правильной научной этимологии. Как правило, в таких случаях преобладает народная этимология²⁵.

Рассмотренные фольклорные черты в новелле о Кипселе позволяют различить в ее основе распространенную в мировом фольклоре волшебную сказку с «царским» сюжетом. Подобные сказки известны в фольклоре многих народов, и нередко детство выдающихся исторических царей или вождей связывается с этим сказочным сюжетом. Примерами могут служить повествования о детстве Моисея, Кира, Саргона и др. Ключ к отысканию в этих рассказах старого сказочного сюжета дает работа В. Я. Проппа «Эдип в свете фольклора»²⁶. Автор показывает, что в основе этого сюжета лежит древний обряд инициации, включавший в себя мимическое проглатывание зверем посвящаемого юноши. Мальчика отправляли в лес, там он получал воспитание и проходил через обряд, инсценировавший смерть. На тело мальчика наносились знаки смерти, затем происходило как бы второе рождение, после чего уже взрослым юноша возвращался в родные места. «...герой в период воспитания, — пишет В. Я. Пропп, — приобретает качества вождя и... первоначально эти качества связаны с тотемической магией и с воспитанием юноши в период посвящения»²⁷. Царствовать мог только тот, кто прошел обряд посвящения и мог показать на себе знаки смерти.

Лес, куда отправляли ребенка, считался таинственным и неизвестным никому местом. С развитием пространственных представлений эта таинственность и отрезанность от остального мира получила черты отдаленности. Затем таинственный лес превратился в отдаленный остров, куда лишь случайно могло занести лодку, бочку или ящик, в котором находился ребенок. С течением времени историческая основа сюжета забылась и далеко не все моменты сюжета остались отраженными в имеющихся у нас сказаниях.

В мифе об Эдипе, например, сохранилась редкая деталь: проколотые ноги ребенка — это след тех знаков смерти, которые наносились на тело посвящаемого.

В широком круге легенд (о Моисее, Телефе, Эдипе, Ромуле и Реме, Кире, Сарго-

²⁴ Will, ук. соч., стр. 474 сл.

²⁵ Интересный пример такого рода народной этимологии имени богини Афродиты приводит Пизани: имя Афродита (Ἀφροδίτη), заимствованное из семитского Aštogeth, понято как состоящее из слов ἄφρος «пена» и δέωτο «появился». Пизани считает возможным, что и миф о рождении богини из морской пены сложился на основании этой народной этимологии (В. Пизани, Этимология. История — проблемы — метод, перевод с итальянского, М., 1956, стр. 134).

²⁶ «Уч. зап. ЛГУ», сер. филол. наук, вып. 9, 1944, стр. 138—175.

²⁷ Пропп, ук. соч., стр. 162.

не) сохранился момент помещения ребенка в корзину или ларец, как воспоминание об отправке ребенка по воде в неведомый край.

Мотив воспитания ребенка зверем присутствует в рассказах о Телефе, Ромуле и Реме. Позднее животное в таких рассказах заменяется пастухом и его женой. Такой переход можно проследить на примере легенды о воспитании Кира. Геродот (I, 107) сообщает, что мальчика вскормила жена пастуха. Ее имя по-мидийски было Спакто, а по-гречески Кино, что значит собака.

Таким образом, женщина называлась именем священного животного, каким была собака у мидийцев.

Если принять гипотезу о родстве сказаний о Кире, Персее, Эдипе, Телефе и т. п., а также мнение В. Я. Проппа о том, что в их основе лежит воспоминание о древнем обряде посвящения, то в новелле о Кипселе можно усмотреть следующие черты, родственные рассмотренному сказочному сюжету. Ребенку грозит гибель — отзыв происхождения через мнимую смерть; ребенка помещают в ларец — отзыв отправки в таинственный лес; отец увозит Кипсела на воспитание в Олимпию (эта ступень рассказа опущена Геродотом, но есть у Николая Дамасского) — отзыв воспитания вдали от дома. Как сказка кончается воцарением героя, так и новелла завершается приходом Кипсела к власти. Как и в волшебной сказке, в новелле счастливый конец — пробы у власти 30 лет, Кипсел благополучно оканчивает свою жизнь.

Надо отметить еще один фольклорный момент новеллы, не связанный, однако, с рассмотренным выше сюжетом. И Геродот и Николай Дамасский сообщает, что посланцы Бакхиадов не решились убить ребенка, когда увидели, что тот им улыбнулся. В. Али, обратив внимание на эту фольклорную черту в рассказе Геродота, привел в качестве параллелей ряд немецких сказок и легенд, в которых улыбка ребенка спасает ему жизнь²⁸. Укажем еще на индийские, испанские и ирландские параллели, которые перечислены в указателе фольклорных сюжетов С. Томпсона²⁹.

И, наконец, последняя небольшая подробность, свидетельствующая о связи новеллы, переданной Геродотом, с устным рассказом: десять посланцев Бакхиадов являются убить новорожденного Кипсела. Десять, как известно, излюбленное число фольклорных рассказов. У Николая Дамасского уже стерта эта черта устного рассказа: говорится, что пришло «несколько» оруженосцев. Для сравнения кратко остановимся на геродотовской версии новеллы о рождении и воспитании Кира (I, 107 сл.).

В основу этой новеллы о персидском царе VI в. до н. э. лег тот же сказочный сюжет, что и в новеллу о коринфском тиране. Мидийскому царю Астиагу, рассказывает Геродот, приснилось, что у его дочери Манданы родился сын, который завладеет всей Азией. В другом сне царь увидел, что этот его внук станет царем вместо него. Когда у Манданы родился сын Кир, Астиаг призвал к себе верного Гарпага и велел ему умертвить младенца. Гарпаг передал ребенка пастуху, который, однако, не исполнил приказа — не убил, а воспитал у себя царского внука, который впоследствии и совершил то, что видел в вещих снах Астиаг.

Основная канва в обеих новеллах одинакова: предсказывается славное будущее еще не родившемуся ребенку, правитель хочет его уничтожить, но ребенок спасен, и новелла кончается, как и положено в сказке, его счастливым воцарением.

Подобные легенды складывались не только в античности. Таков, например, рассказ Фирдоуси о герое Фаридуне. Жестокому царю Ирана Заххаку приснился сон, который мудрецы объяснили так:

«Другой воссядет на престол по праву.
Он ввергнет в прах тебя, твой трон и славу.
Он будет, Фаридуном наречен,
Светиться над землей, как небосклон.
Еще не появился он, и рано
Еще его искать, о, царь Ирана»³⁰.

²⁸ W. A l y, *Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen*, Göttingen, 1921, стр. 153.

²⁹ T h o m p s o n, ук. соч., S-350; S-261, 1; K-512, 01.

³⁰ Ф и р д о у с и, Шах-Наме, пер. С. Липкина, I, М., 1964, стр. 68.

Заххак не смог найти Фаридуна, которого мать, чтобы скрыть от царя, отдала на воспитание пастуху. Когда Фаридун вырос, то захватил власть, как было предсказано еще до его рождения.

Сообщение о тирании Кипсела передано у Геродота устами коринфянина Сосикла, который предостерегал лакедемонян от восстановления тирании. Чтобы изобразить весь ужас этой системы правления, Сосикл рассказывает о тирании, существовавшей некогда в его собственном государстве. Естественно было бы ожидать, что Сосикл изобразит тиранию в самом неблагоприятном виде. Но образ первого коринфского тирана в речи Сосикла не производит ожидаемого отталкивающего впечатления. Лишь одна фраза в конце большого рассказа о Кипселе свидетельствует о его жестокости: πολλοὺς μὲν Κορινθίων ἐδίωξε πολλοὺς δὲ χρημάτων ἀπεστέρησε πολλῶν δὲ τι πλείστους τῆς ψυχῆς «многих коринфян он изгнал, многих лишил имущества, а еще более многих — жизни» (V, 92, 6).

Положительный характер образа Кипсела диктуется уже тем сказочным сюжетом, который вплетен в историю тирана³¹. В подобных сказках предопределено с самого начала, что чудесно спасенный ребенок будет героем и обязательно положительным персонажем, а те, которые намерены его убить, — злодеи и обязательно отрицательные персонажи. Поэтому в таком рассказе, уже в силу его построения, Кипсел никак не мог выступать тираном-злодеем. Злодеями были его антагонисты — Бакхиады.

Вложив в уста Сосикла традиционную новеллу о первом коринфском тиране, историк не приспособил ее к целям речи коринфского посла. Исходя из мысли, что всякий тиран плох, Геродот, по-видимому, не заметил, что оратор, порочащий тиранию, передает новеллу о тиране, в которой тот носит черты скорее легендарного героя, чем злого правителя. Акцент рассказа Сосикла лежит на второй его половине, когда коринфянин рассказывает о Периаудре, сыне Кипсела. Сосикл говорит о многих жестоких и кровавых делах тирана Периаудра, и его мрачная фигура заслоняет начало речи коринфянина о рождении и чудесном спасении Кипсела. Правление первого тирана оказывается почти не освещенным, зато правление Периаудра в устах Сосикла представляет ту страшную тиранию, от восстановления которой коринфянин предостерегает спартанцев.

Благоприятная Кипселу традиция доминирует и у других древних авторов. В целом положительных тонах он обрисован у Николая Дамасского, который, по общему мнению, заимствовал свои сведения у Эфора. Легенда о детстве Кипсела передана Николаем Дамасским (FGH, II A, fr. 57) сухо и кратко. В тексте его трудно увидеть поэтическую народную новеллу, лишь при сравнении с подробным изложением Геродота можно различить отдельные ее моменты (на которых мы останавливались выше). Однако положительный характер героя новеллы как бы задает тон всему последующему повествованию о Кипселе. Значительно подробнее, чем Геродот, Николай Дамасский описывает жизнь тирана и его справедливое правление. Согласно Николаю Дамасскому, Кипсел смолоду завоевал любовь граждан, и они, узнав об оракуле, предсказавшем, что Кипсел свергнет власть ненавистных Бакхиад, поддержали его и поставили правителем после переворота. В противоположность Геродоту, который утверждал, что Кипсел изгонял, лишал имущества и даже убивал своих противников, Николай Дамасский пишет, что тиран вывел их в колонии Левкаду и Анакторион, правил мягко и возвратил всех, кто был изгнан Бакхиадами; их самих он отправил на Керкиру, а имущество их сделал общенародным. Таким образом, Николай Дамасский изобразил Кипсела почти идеальным правителем, а все черные краски он оставил для его сына Периаудра.

Итак, сведения Геродота и Николая Дамасского — наших основных источников о первом коринфском тиране — почерпнуты из дружественной Кипселу традиции. Можно предположить, что легенда о детстве Кипсела родилась в кругах, близких тирании³², и поддерживалась затем Кипселидами. Как одно из свидетельств этого можно

³¹ На это обратил внимание Эндрюс (Andrewes, ук. соч., стр. 46).

³² Ср., например, Will, ук. соч., стр. 459.

рассматривать посвященный в храм Геры в Олимпии так называемый ларец Кипсела. Об этом ларце сообщают два автора — Днион Хризостом (XI, 45) и Павсаний (V, 17 сл.). Первый полагает, что ларец был сделан при жизни Кипсела, а второй, веря в легенду о том, что именно в этом ларце был спасен Кипсел, считает, что ларец был изготовлен еще при предках Кипсела. Из краткого сообщения Павсания об истории ларца ясно, что он знал содержание новеллы «о чудесном спасении Кипсела». По описанию Павсания ларец представлял собой уникальное произведение искусства. Сделанный из кедра, он был украшен многочисленными фигурами из слоновой кости и золота. Там были представлены сцены из разных мифов, и над многими фигурами были надписи, поясняющие изображенное. По характеру надписей, которые приводит Павсаний, и по подробному описанию вида ларца ученые датируют его временем Перикла³³. Павсаний сообщает, что ларец был пожертвован Кипселидами в храм Геры, андра³⁴. Павсаний сообщает, что ларец был пожертвован Кипселидами в храм Геры, андра³⁵. Нам важно лишь отметить, что по не указывает, кем именно из них это было сделано. Нам важно лишь отметить, что богатое посвящение указывает на то, что Кипселиды, вероятно, всячески способствовали распространению чудесной легенды об основателе коринфской тирании. Из-за недостатка источников трудно сказать, когда стали считать, что именно в этом роскошном ларце, а не в скромном сосуде — кипселе, как повествуется в новелле, был спря- тан Кипсел от убийц. Павсаний, несколько смущенный несоответствием между представлением ο χρυσέῳ λάρεϊ и видом богатого ларца, делает оговорку, что коринфяне называют ларцы кипселями. Однако никакой другой источник не подкрепляет этого замечания Павсания.

следует сделать следующие выводы.

Из рассмотренного выше можно сделать следующие выводы.

Из рассмотренного выше можно сделать следующие выводы.

Допедашая до нас традиция о Кипселе в бошьей своей части опирается на легенду, сложившуюся в кругах, симпатизировавших тиранни. Толчком для создания легенды, вероятно, послужил оракул, якобы предсказавший отцу Кипсела, что его сын свергнет Бакхиадов. Этот оракул, по мнению ученых, вполне мог быть подделан дельфийскими доброжелателями Кипсела еще при его жизни. Предсказание оракула, народная этимология имени тирана и безусловно имевшая место борьба Бакхиадов и Кипсела, в результате которой он вышел победителем, ассоциировались с распространенным сюжетом волшебной сказки о достижении героем царской власти.

Легенда, историческим моментом в которой является лишь то, что Кипсел, не принадлежащий к правящей олигархии, захватил власть в Коринфе, властно вторгается в традицию о тиране. Ее фольклорная основа диктует изображение героя в положительных тонах, что не дает еще никаких свидетельств об истинном облике исторических лиц — героя легенды. Однако факт существования новеллы, изображающей тирана в положительных тонах, отражает настроение современников Кипсела, их благожелательное отношение к тирану. Можно предположить, что в устной традиции Кипсел никогда не выступал отрицательным героем, иначе Геродот, стремившийся устами Сосикла всячески очернить коринфскую тиранию, не упустил бы случая включить в свой труд новеллу о жестокости Кипсела, как он сделал это в отношении Перикла.

М. В. Скржинская

М. В. Скржинская

FOLKLORE MOTIFS IN THE TRADITION ABOUT THE CORINTHIAN TYRANT
CYPSELUS

by *M. V. Skrzhinskaya*

The author analyses the surviving tradition about Cypselus, the first tyrant of Corinth. The study is based primarily on the information provided by Herodotus. The

The analysis is based primarily on the information provided by Herodotus. The legend of the miraculous rescue of the future tyrant in a box (κυψέλη) was handed on from

³³ W i l l, укр. соч., стр. 412—414; P a y n e, укр. соч., стр. 351; J. F r a z e r, Pausanias's Description of Greece, III, L., 1898, стр. 601.

generation to generation. At the basis of this legend lies the fable motif of the baby for whom a glorious future has been predicted, and he, despite all obstacles, becomes the ruler of the land. The elements contributing to the formation of the legend were: (a) the prediction of the oracle (which modern scholars believe to have been composed by the adherents of Cypselus during his lifetime), (b) popular etymology on the name of Cypselus, and (c) the struggle of the future tyrant with the Bacchiads, which ended in victory for Cypselus.

This legend, strands of which appear in the writings of several ancient authors, while it tells us nothing about the real Cypselus, testifies to the favourable light in which he was regarded by a sufficiently broad section of the Corinthian population.

К СТРАТИГРАФИИ НОВЫХ МОНЕТНЫХ НАХОДОК ИЗ СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ

Научная ценность монетных находок намного повышается при обнаружении их в определенных историко-культурных областях и пунктах, в условиях залегания монетных кружков в так называемом культурном слое, т. е. тогда, когда можно связать их с археологической стратиграфией.

Настоящее сообщение посвящено публикации комплекса древних медных монет, полученного в 1963—1965 гг. в процессе археологических вскрытий некоторых бактрийско-кушанских памятников на юге Узбекистана, осуществлявшихся Узбекистанской искусствоведческой экспедицией. Они обнаружены на городище Айртам, лежащем у Аму-Дарьи, на Шортена, расположенном в 28 км к северо-западу от Термеза; несколько монетных находок дал также сам Термез и два археологических пункта в Ширабадском районе¹.

Монеты из Айртама в большинстве подъемные, но несколько экземпляров получено при вскрытии того центрального архитектурного сооружения, изучавшегося еще в 1932—1933 и 1937 гг., где были извлечены скульптурные плиты известного Айртамского фриз². Наши раскопки уточнили намеченную в те годы стратиграфию, выявив здесь три хронологических горизонта (I, II и III), выделяющих остатки двух разных по своему назначению и планировке зданий, разделенных слоем длительного заброса более раннего из них.

Стратиграфия Шортена, которое представляет из себя крупный архитектурный комплекс, значительно сложнее. Здесь установлено шесть стратиграфических слоев, соответствующих определенным хронологическим периодам (с внутренними этапами в каждом из них), запечатлевшим процессы застройки, обживания и перестроек, либо гибели ранее возведенных сооружений. В последующем изложении будут упомянуты горизонты III, IV-а IV-б, V, VI-а и VI-б. Все монетные находки на Шортена (включая подъемные — на поверхности самого бугра) очень точно локализованы, но, к сожалению, монеты в плохом состоянии, так как сильно окислены из-за засоленности почвы (само название Шортена означает «Солончаковый холм»). Кроме того, следует иметь в виду, что некоторые монетные кружки в процессе древних перестроек попадали в расположенные выше культурные слои и в замес пахсы или сырцовых кирпичей вновь возводившихся зданий.

Рассмотрим приведенный в таблице монетный комплекс по типологическим группам.

¹ В работах экспедиции, проводившихся под руководством автора статьи, участвовали Д. Сидорова, Б. Тургунов, З. Хакимов. Общие итоги археологических вскрытий готовятся к печати.

² М. Е. Массон, Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э., Ташкент, 1933; он же, Скульптура Айртама, «Искусство», 1935; М. И. Вязьмитина, Раскопки на городище Айртам, «Труды АН УзССР», сер. 1. Термезская археологическая экспедиция, II, Ташкент, 1945.